

Он ничего не ответил, лишь покачал головой. Янь Цзинь мысленно возразил: в то время он действительно не знал, когда его выпишут из больницы, да и сейчас, честно говоря, ситуация не изменилась — днем он отрабатывал повинность в Управлении внешних связей, а по вечерам возвращался в палату. Формально он все еще оставался пациентом.

Чжоу Ли пришел не вовремя. Приди он чуть раньше или чуть позже, этой сцены удалось бы избежать.

Десятичасовое солнце светило как раз как надо. Янь Цзинь сидел покорно, изгиб его шеи выглядел безупречно. Но если посмотреть сбоку, становилось понятно, насколько он исхудал: кожа казалась почти прозрачной, ключицы и позвонки остро выступали, а сам он выглядел до того тонким, словно был лишь легким наброском на бумаге.

— ...Хожу помогать коллегам с делами, — Янь Цзинь не стал ни подтверждать, ни отрицать, помедлил секунду и добавил: — Вечером возвращаюсь обратно.

Едва он договорил, как в палату вошли молодой альфа, присланный из Управления забрать его, и медсестра, отвечавшая за это отделение. Увидев Чжоу Ли, они уставились на него с нескрываемым удивлением и восторгом.

Янь Цзинь: «...»

Чего боялся, то и случилось. Янь Цзинь с бесстрастным лицом поднялся:

— Вы ошиблись палатой. У меня тут дела, так что не буду вас задерживать.

Янь Цзинь поспешно удалился в сопровождении сотрудника Управления. По пути он обрывками слышал, как медсестра заигрывает с Чжоу Ли, выпрашивая автограф:

— К кому вы пришли? Давайте я пробью по системе, я помогу!

— На 48-й койке уже несколько раз жаловались, что какой-то альфа вечно путает палаты... Неужели это были вы?!

Янь Цзинь: «...»

Интересно, не поздно ли вернуться и заткнуть медсестре рот?

Такой режим продлился около полумесяца. Только когда Главное управление и Управление

внешних связей выпустили совместный документ о приостановке расследования Отдела анализа, Янь Цзинь наконец избавился от странного образа жизни, при котором он днем работал, а ночью лечился в стационаре.

Теперь он работал в Управлении днем, возвращался домой вечером, а по средам заглядывал в Главное управление, чтобы отметить и отчитаться о проделанной работе.

Возвращение свободы стоило бы отпраздновать, но была одна беда: Цю Тун каждый божий день под предлогом заботы о Янь Цзине заводил с ним беседы, в которых неизменно всплывало имя Чжоу Ли.

Цю Тун почему-то решил, что у них с Янь Цзином есть общая тайна — ведь только они двое видели того холодного и неприступного Чжоу Ли на выставке. Стараясь сблизиться с Янь Цзином, Цю Тун не скрывал своего фанатичного обожания Чжоу Ли.

Чжоу Ли такой красивый, Чжоу Ли такой крутой, Чжоу Ли так потрясающе поет.

Чжоу Ли сегодня снимался для журнала, завтра у него интервью, в следующем месяце концерт, а еще он обновил соцсети...

У Янь Цзиня разболелась голова:

— Ты настолько сильно его любишь?

— Ни один омега не может устоять перед Чжоу Ли! — с жаром заявил Цю Тун. — А если кто-то устоял, значит, он просто его не видел!

— ... — Янь Цзинь промолчал. И правда, устоять было сложно.

Чжоу Ли очень рано проявил талант высокого уровня феромонов. Когда он вошел в период вторичного деления, в семье Чжоу все были как на иголках.

Боясь, что с Чжоу Ли случится беда, ему выписали отпуск на полмесяца, чтобы он мог пройти деление в привычной обстановке. А чтобы никакие посторонние феромоны не повлияли на процесс, из дома выдворили всех омег. В огромном поместье остались только беты и альфы с сильными феромонами — ведь конкуренция делает альф сильнее.

Не прошедший деление Янь Цзинь тоже попал под раздачу. Омежки феромоны могли помешать делению альфы, а сильные феромоны альфы, наоборот, могли спровоцировать преждевременное деление у еще не определившегося подростка.

Если бы Янь Цзинь вдруг начал делиться под влиянием Чжоу Ли, то все усилия семьи по

очистке поместья от омег оказались бы бессмысленными.

После ухода Янь Цзиня Чжоу Ли стал невыносимо раздражительным. Обстановка была привычной, но без Янь Цзиня молодой господин чувствовал себя крайне неудобно. К тому же, в преддверии деления эмоции скакали с бешеной силой, и никто не мог угодить этому взвинченному до предела юноше.

Видя, что состояние Чжоу Ли ухудшается, старый дворецкий, рискуя всем, привез Янь Цзиня обратно.

В ту же ночь Чжоу Ли прошел деление. Янь Цзинь не чувствовал феромонов, он лишь знал, что новоиспеченный альфа перед ним пышет нестерпимым жаром. Горячее тело, горячие ладони, горячий взгляд и обжигающее дыхание. Эта ужасающая температура казалась такой высокой, что Янь Цзинь вот-вот мог вспыхнуть, как сухая трава.

...

— Янь Цзинь, — тихо позвал коллега, — ты витаешь в облаках. О чем задумался?

— ...Ни о чем.

Янь Цзинь дернул уголками губ, изображая безупречную улыбку.

Не успел он выписаться, как наступила осень. Был четвертый час дня, небо затянуло черными тучами, собирался ливень.

С тех пор как Янь Цзинь получил ранение в Южной зоне боевых действий, его тело словно превратилось в синоптика: в любую пасмурную или дождливую погоду его суставы начинали ныть.

В тот день штатные сотрудники Управления ушли на общее совещание, а внештатнику Янь Цзиню поручили разгрести мелкие дела Южной зоны — пока не закончит, домой не уйдет.

За окном стеной стоял ливень. Янь Цзинь с трудом разогнул ноющее колено и, опираясь на стол, поднялся.

В бескрайней тьме лишь кое-где мерцали тусклые оранжевые фонари, одинокие, словно маяки в ночном океане.

Здание администрации почти полностью погрузилось во мрак, свет горел только в конференц-зале напротив. Янь Цзинь стоял на первом этаже, глядя в черное небо, и гадал, когда же закончится этот дождь.

Он был без машины и без зонта, а на территорию Управления чужие авто не пускали — даже если ты пришел работать на них. Он уже подумывал, не пробежаться ли под дождем до соседнего корпуса, чтобы одолжить зонт на стойке регистрации, как вдруг зазвонил телефон.

На экране высветился номер без имени. Янь Цзинь долго смотрел на него, не решаясь ответить.

Это был номер Чжоу Ли.

...Значит, он его не сменил.

Лишь когда телефон зазвонил во второй раз, Янь Цзинь принял вызов.

— Алло, — он постарался, чтобы голос звучал так, будто он отвечает незнакомцу.

— Ты где? — голос Чжоу Ли был ледяным.

— ...В Главном управлении.

— Ты где? — повторил Чжоу Ли.

Янь Цзинь промолчал. Он поднял глаза и только сейчас заметил, что перед зданием припаркован черный внедорожник. Его фары светили ярче, чем уличные фонари.

<http://bllate.org/book/20838/2100071>